

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

А. А. Стерликова

МЕТОДЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ХОДЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ: РОССИЯ, ШВЕЦИЯ, ЕВРОПА

На рубеже XVII и XVIII столетий Россия становится полноправным игроком на европейской политической арене. Северная война была одним из ключевых событий этого периода для всей Европы. В результате войны на Балтике произошло перераспределение сил: прежняя Шведская империя потеряла свои позиции, а Россия, наоборот, по результатам Северной войны приобрела статус империи. Интересно проследить, какие дипломатические методы использовал Петр I для отстаивания в Европе интересов молодой империи. Ведь, несмотря на победы русского оружия, задачи эти были достаточно трудновыполнимыми: в Европе ведущие державы (Австрия, Англия, Франция) не стремились признавать новый статус России и с опасением смотрели на северные дела. Петру I и его дипломатам пришлось в довольно ускоренном темпе постигать хитросплетения европейской дипломатии и осваивать дипломатические методы.

В Европе для решения дипломатических вопросов использовали широкий арсенал дипломатических методов: как открытых, так и тайных. К открытым методам дипломатии можно отнести официальные переговоры уполномоченных дипломатов, международные конференции, которые вошли в традицию международных отношений начиная с Вестфальского мира. Одним из главных методов оставались тайные переговоры.

Во время первого заграничного путешествия, Великого посольства, Петр I был скорее учеником в дипломатических вопросах. Тут можно вспомнить и неудачные переговоры с венским двором, и практический

отказ в визите со стороны французского короля Людовика XIV. Однако, как и во многих других областях, Петр I быстро уяснял уроки и понял методы европейской дипломатии. Ко второй половине Северной войны русский царь и его дипломаты уже вполне освоили основные приемы дипломатической игры. Именно на период 1713–1714 гг. приходится начало дипломатической борьбы за те территории, которые Россия уже отвоевала у Швеции, закончилась эта борьба Ништадтским миром 1721 г.

В течение 1714–1718 гг. Петр I использовал всевозможные методы для окончания Северной войны: участие в международных конгрессах (Утрехтский, Брауншвейгский, Аландский), поиск посредников для переговоров с Карлом XII в лице европейских монархов (австрийский император, английское и французское правительства), использование военного давления (попытка десанта в Сконе), широкие методы секретной дипломатии.

Первая попытка мирного урегулирования Северной войны со стороны Петра I относится к 1714 г. и связана с Брауншвейгским конгрессом. Конгресс собирался по инициативе Австрии для решения конфликта между Данией и Голштейн-Готторпом, а также для мирных переговоров между участниками Северной войны. В январе 1714 г. Петр I отправил австрийскому цесарю Карлу VI грамоту, в которой декларировал свое желание заключить мир со Швецией и просил цесаря вместе с Англией, Голландией и Ганновером стать посредниками¹. Своим представителем на конгрессе Петр I выбрал князя Б. И. Куракина, главного дипломатического представителя новой России за границей². Можно сказать, что данный документ является одним из первых официальных заявлений русского царя о желании закончить войну со Швецией в 1714 г.

Однако начало конгресса выявило массу противоречий в Голштинском вопросе, к этому добавился отказ шведской стороны отправить своих полномочных в Брауншвейг. Неудивительно, что у Петра I и его дипломатов появились основания сомневаться, будут ли на конгрессе решаться какие-нибудь иные дела кроме голштинской проблемы. Решение Петра I изменилось, когда до русского двора дошли слухи о отдельных переговорах между его союзниками (Данией и Польшей-Саксонией) со шведами. В конце мая 1714 г. появились основания полагать, что переговоры о мире со шведами могут все же вскоре начаться. Дело в том, что пришло сообщение о полномочной грамоте шведского короля своему министру графу М. Веллингу, в которой Карл XII велел начать мирные переговоры³. Тогда же шведский посланник в Гааге Й. Палмквист объявил, что получил полномочия вести переговоры, посредником выступили английские дипломаты и голландское правительство. Однако очень скоро русский представитель в Гааге Б. И. Куракин понял, что цель переговоров

со стороны шведов — заключить перемирие с Россией для оттягивания времени⁴. Подобная позиция было связана с отсутствием в Швеции Карла XII. В Стокгольме не могли разрешить сложную ситуацию: большинство в правительстве осознавало, что Швеция находится в критическом положении, а король, находящийся в Турции, ничего не желал слышать о начале переговорного процесса с Россией. В итоге первая попытка начать переговоры воюющих сторон через посредничество крупной европейской державы (Австрии) сошла на нет. Впоследствии Петр I отказывается от идеи посредничества австрийского императора.

Мнение некоторых отечественных историков о том, что Петр I не был заинтересован в конгрессе, опровергается фактами и источниками: перепиской русских дипломатов. Во-первых, в Брауншвейг приехал Б. И. Куракин с мирными предложениями, а русские представители за границей надеялись на начало мирных переговоров со шведами. Во-вторых, Б. И. Куракин не однажды в течение весны 1714 г. высказывал твердое намерение Петра I начать переговоры, русские условия были озвучены на конгрессе. Особо следует отметить, что затягивание переговоров в Брауншвейге дало повод Англии и Франции вмешаться в северные дела.

Брауншвейгский конгресс действительно вызвал интерес в Европе к северным делам, многие дворы захотели вмешаться в переговоры шведской стороны с членами Северного союза. Письма русских дипломатов (В. Л. Долгорукова, Б. И. Куракина) позволяют приоткрыть завесу над механизмами тайной дипломатии начала XVIII в. Русские дипломаты пишут о всевозможных интригах англичан и французоз, направленных против Северного союза, об их попытках навязать России, Дании и Польше свои условия будущего мира со Швецией, о действиях шведских представителей при европейских дворах. Например, в 1714 г. англичане предприняли ряд попыток вмешаться в Северные дела, навязать свои условия Петру I и его союзникам, а по возможности расколоть Северный альянс. Большая часть событий разворачивалась в Гааге — крупном центре европейской дипломатии.

Следует напомнить, что в 1713–1714 гг. Англия пыталась вмешаться в ход войны, направив в Балтику эскадру. И если в 1713 г. английское правительство не решилось на это, то в начале 1714 г. по требованию английских купцов вновь заговорили о посылке эскадры для защиты британской торговли на Балтике. Петр I также узнал о принятом под давлением Англии и в Голландии решении послать свою эскадру. Русская сторона видела в соединенном флоте двух морских держав угрозу, прежде всего, для себя. Подобные известия вызвали незамедлительную реакцию. Б. И. Куракин писал представителю России в Лондоне Шаку, чтобы он

отговаривал английское правительство от этого мероприятия. 24 января 1714 г. Петр I послал королеве Анне письмо, в котором высказывал свое негативное отношение к планам англичан на Балтике. Царь опасался, что английская эскадра предпримет какие-либо враждебные действия по отношению к России, и указывал английской королеве на возможные негативные последствия этого мероприятия⁵.

Английские военные суда на Балтике представляли если не прямую, то косвенную угрозу для России. Более того, весной 1714 г. английская дипломатия предприняла все возможное, чтобы добиться от голландского и французского правительств согласия на совместную морскую акцию. Таким образом, крупнейшая европейская держава пыталась оказать военное давление на Россию, не вмешиваясь открыто в войну.

С другой стороны, Англия пыталась внести разлад между Северными союзниками (Польшей, Данией и Россией) и помешать усилению союза за счет Пруссии. Пруссии предлагалось начать военные действия в Германии против Дании. Также английское правительство всеми силами пыталось не допустить начало мирных переговоров в Брауншвейге под патронажем австрийского императора. Наоборот, английские министры хотели навязать свое посредничество северным союзникам. Все эти попытки Англии и Франции, которая также пыталась в меру своих возможностей вмешаться в Северные дела, закончились неудачно. В этом, безусловно, есть заслуга лично Петра I и его дипломатов, которые оперативно получали нужные сведения и всячески противодействовали намерениям Англии. Особая роль здесь принадлежит князю Б. И. Куракину, который курсировал между Лондоном и Гаагой, ведя самые сложные переговоры.

Основной задачей для русской дипломатии во второй половине 1714–1715 гг. стало расширение Северного союза за счет Пруссии, Ганновера и Англии. Предпосылкой вовлечения Англии в войну со Швецией явилось вступление ганноверского курфюрста Георга I на британский престол летом 1714 г. Это событие внесло значительные коррективы в английскую внешнюю политику, однако изменения не были столь однозначными, как это порой представляется в исторической литературе. Большинство исследователей указывает, что Англия в 1714 г. вполне могла сделаться участником Северного союза, а Георг I был дружественно настроен к Петру I⁶. Однако следует заметить, что английское правительство с 1714 по 1717 г. несколько раз изменяло политику по отношению к России. Период сближения в 1714–1715 гг. сменился периодом фактического противостояния в конце 1716 г.

Начался 1715 г. с активных переговоров с Англией о союзе против Швеции. Действительно, в 1714–1715 гг. Георг I проявлял склонность

к союзу с Россией и даже объявил войну Швеции как Ганноверский курфюрст. Однако ощутимой пользы для Северного союза действия английского короля не принесли, кроме того, что Георг I не поддерживал Швецию, как правительство королевы Анны весной 1714 г. Видимое совпадение интересов Георга I и Петра I, официальные дружественные заявления английского короля на самом деле скрывали глубокую неприязнь Англии, да и лично Георга I, к новой России. Вероятный мир Карла XII с царем мог обернуться сохранением за Швецией германских территорий, что шло вразрез с интересами Ганноверского курфюрста. Таким образом, позиция Англии по отношению к северным делам в этот период остается довольно двойственной, что окончательно проявилось в 1716 г.

Активной внешнеполитической деятельности способствовала вторая заграничная поездка Петра I в 1716–1717 гг., напрямую связанная с военными и дипломатическими попытками окончания Северной войны. С одной стороны, Петр I понимал, что для более быстрого окончания войны необходимо нанести удар непосредственно по шведской территории — план союзного десанта в Сконе. Однако после отмены десанта русская дипломатия начинает все больше использовать методы тайной дипломатии. Не отказывается Петр I и от посредничества ведущих держав — знаковая поездка во Францию в 1717 г. и Амстердамский договор.

Наиболее важным этапом для русской дипломатии становится установление первых тайных контактов со шведами, которые только наместились осенью 1716 г. и продолжились более серьезно летом и осенью 1717 г. Связано это было с тем, что в самой Швеции осознали бесперспективность дальнейшей войны с Россией. В 1714 г. в окружении Карла XII появляется голштинец барон Г. Х. Герц, который и предлагает идею мира и даже союза с Россией. Г. Х. Герц довольно быстро добился расположения Карла XII и стал продвигать свои идеи. Оформление плана Г. Х. Герца о сепаратном мире исследователи относят только к апрелю 1716 г.⁷

В источниках мы находим подтверждение, что русско-шведские переговоры о мире начались осенью 1716 г.: это свидетельства и Б. И. Куракина, и шведских представителей (Г. Х. Герца, Й. Ф. Прейса, Г. Ф. Басевича), а также англичан, которые следили за действиями русской дипломатии и подозревали о возможности сепаратного мира между Петром I и Карлом XII. В октябре 1716 г. Г. Х. Герцу удалось установить секретные контакты с русской стороной по вопросу о мире. У барона имелись полномочия от Карла XII заключить предварительный договор с Петром I⁸. Однако действовал шведский представитель довольно непоследовательно. К ноябрю–декабрю 1716 г. относится попытка шведских дипломатов втянуть русского царя в яковитскую интригу через личного врача русского царя — Р. Арескина. Этот сюжет представляется доволь-

но запутанным, очевидно лишь то, что Г. Х. Герц надеялся использовать яковитские связи, чтобы склонить Петра I к миру со Швецией, а возможно и к дальнейшим союзническим действиям в Европе (например, по вопросу об английском престоле)⁹. Однако русская сторона, не отказываясь от контактов с яковитами, всерьез не собиралась впутываться в английские дела. Петр I намеревался использовать сторонников претендента в качестве тайных посредников между ним и Карлом XII, который участвовал в яковитском заговоре.

В начале 1717 г. Петр I пытался действовать в двух направлениях, которые на первый взгляд противоречили друг другу: договор с английским королем Георгом I о совместной морской операции в 1717 г. против Швеции и секретные русско-шведские контакты. Однако, если проанализировать международную обстановку в конце 1716 г., то действия Петра I и его дипломатов не кажутся такими уж противоречивыми. Русская дипломатия стремилась использовать все возможности, чтобы найти способ скорейшего окончания войны. Петр I хорошо понимал, что надежды на соглашение с Георгом I могут не оправдаться, да и само английское правительство продолжало попытки договориться с Карлом XII в конце 1716 г. Таким образом, молодая русская дипломатия играет по правилам, распространенным в Европе.

Особо стоит выделить сюжет с визитом Петра I во Францию, основной целью которого было заручиться посредничеством французов в переговорах со шведами о мире. Во второй половине Северной войны Франция оставалась единственным союзником Швеции, оказывая Карлу XII финансовую помощь, в которой тот очень нуждался. Однако после серии побед русской армии и флота (Полтава, Гангут) французское правительство неоднократно предлагало русской стороне свое посредничество в переговорах со шведами: в 1714 г. через своего посланника Шатонефа, в конце 1716 г. Петр I не стал отказываться от такой возможности. Глава внешнеполитического ведомства Франции д'Юксель писал своему агенту де Ла Марку о выгодной для Франции возможности заключить соглашение с Петром I¹⁰. В конце 1716 г. через прусский двор завязались вполне серьезные переговоры между Россией и Францией о возможном соглашении.

Препятствием для русско-французского сближения явилось колебание Франции между системой Людовика XIV и Ж. Б. К. де Торси и новой английской ориентацией, сторонником которой являлся аббат Г. Дюбуа¹¹. На рубеже 1716–1717 гг. французский регент предпочел пойти на союз с Англией и Голландией, который был заключен 4 января 1717 г. Вопрос о французском посредничестве в русско-шведских переговорах о мире вновь был поднят в январе 1717 г. Послу в Гааге маркизу де Шатонефу были даны инструкции¹² использовать пребывание русского царя в Гол-

ландии для попыток завязать русско-французские переговоры. Шатонеф должен был, не беря на себя никаких обязательств, препятствовать вступлению России в договорные отношения, которые противоречили бы интересам Франции. В конце марта, когда Петр I сам прибыл в Гаагу, переговоры перешли в новую фазу. Шатонефу были предложены следующие условия с русской стороны: Петр I примет условия Утрехтского и Баденского договоров, не требуя никаких гарантий взамен. Франции предлагалось прекратить выдавать субсидии шведскому королю и оказать содействие в умиротворении Севера¹³. Петр I даже не попросил гарантировать его завоевания, одновременно изъявив желание взять на себя гарантию двух договоров (Утрехтского и Баденского), которые до войны 1756–1763 гг. являлись основой европейских межгосударственных отношений. Эти предложения русской стороны свидетельствуют, что к весне 1717 г. Петр I окончательно утверждает в намерении использовать Францию в качестве посредника.

Чтобы активизировать переговоры с французским правительством, Петр I принимает решение о поездке во Францию. Основные переговоры развернулись уже в Париже во второй половине мая (по н.ст.). Переговоры с французским маршалом Рене-де-Фуле Тессе вели П. П. Шафиров и Б. И. Куракин. В них Тессе была дана инструкция: добиться посредничества Франции в Северных делах, чтобы отеснить австрийский двор, при этом беря на себя минимум обязательств¹⁴.

Во время переговоров Петр I фактически предлагал поставить Россию на место Швеции в системе внешней политики Франции как противовес Австрии¹⁵. Французская сторона предложила свой проект союза, который ни в чем не должен был противоречить договорам Франции с Англией, Голландией, Швецией. Дискуссии вызвал вопрос о субсидиях Швеции, от которых французская сторона не хотела отказываться, ссылаясь на предыдущие договоры¹⁶.

Переговоры в Париже не закончились подписанием трактата и были перенесены в Амстердам, хотя удалось договориться по основным пунктам. Политический итог поездки Петра I был неоднозначным. Регент Филипп Орлеанский все еще находился под влиянием Англии, поэтому полного сближения России и Франции не произошло. Однако визит Петра I можно рассматривать как признание России равноправной европейской державой. Велись переговоры о династическом браке между юным Людовиком V и дочерью Петра I Елизаветой. Сам факт подобных переговоров ставил Россию на принципиально новое место в европейской системе. С другой стороны, для Швеции данный визит был негативным сигналом: последний союзник Карла XII ведет переговоры с его противником.

Практическим итогом визита Петра I во Францию явилось подписание 4 (15) августа 1717 г. Амстердамского договора¹⁷. Кроме общей формулировки об установлении дружбы, важно выделить следующие пункты соглашения: 1. обещание не вступать ни в какие обязательства, противоречащие Утрехтским и Баденским договорам и будущим договорам России и Пруссии со Швецией; 2. назначение комиссаров для выработки проекта торгового морского трактата. Существовало три секретных статьи, а именно: взаимно гарантировались Утрехтский, Баденский и будущие северные договора; взаимная помощь войсками или деньгами. Петр I и прусский король обязались принять посредничество французского короля для мира со Швецией. Французский король обязался не прибегать ни к прямому, ни к косвенному принуждению воюющих сторон. По окончании договора со Швецией в апреле 1718 г. Франция обязалась не вступать с Карлом XII ни в какое новое соглашение, противное интересам России и Пруссии. Одновременно регент дал устное обязательство прекратить уплату Швеции субсидий сразу после подписания договора¹⁸.

Какое же реальное значение имел Амстердамский договор для русской дипломатии, насколько он изменил систему международных отношений в Европе? Историки справедливо отмечают, что договор был крупным успехом русской дипломатии, показавший, насколько вырос авторитет России на европейской арене. Сближение Франции с Россией, зафиксированное Амстердамским договором, было гораздо значительнее непосредственного содержания соглашения¹⁹. Швеция фактически лишилась последнего союзника, который давал ей ежегодно значительные субсидии. К этому можно добавить укрепление международных позиций России в момент кризиса самого Северного союза (1716–1717 гг.): Россию, наконец, стали рассматривать как возможного партнера в европейской политике — в договоре есть пункт о гарантии Россией Утрехтского и Баденского трактатов.

В результате амстердамских соглашений Россия приблизилась к своей главной цели — переговорам со Швецией. С другой стороны, Амстердамский договор можно назвать официальным признанием Европой новой России, которая превратилась в одну из ключевых европейских держав. На это указывает историк П. А. Кротов, который считает Амстердамский договор первым документом в международном праве, оформившим новую роль России как ведущей державы в XVIII в. Трактат оформил политическую интеграцию России в систему международных политических отношений в качестве гаранта несущих конструкций европейских политических отношений в то время — Утрехтского, Баденского, Раштадтского и других трактатов. В договоре Франция попутно признала за русским

монархом титул «величества»²⁰. За Россией официально признавался новый статус крупной европейской державы.

Таким образом, основная цель переговоров с Францией — принуждение Швеции к миру была достигнута. Еще во время пребывания Петра I во Франции шведская сторона активизировала попытки наладить тайные каналы для переговоров с русской стороной. Во время пребывания Петра I в Спа в июле 1717 г. туда приехал представитель Карла XII генерал Ст. Понятовский, с которым встречались Б. И. Куракин и Р. Арескин, речь шла о мирных переговорах.

В июле 1717 г. в Гааге началась серия встреч Б. И. Куракина и шведских представителей (Ст. Понятовский, Й. Ф. Прейс). Но вскоре выяснилось, что реальных полномочий для заключения каких-то предварительных соглашений не было²¹. Сам же Г. Х. Герц изъявил желание отправиться к Карлу XII, чтобы убедить его начать мирный конгресс. Для этого шведский министр просил содействовать его проезду в Швецию, в конце июля русская сторона согласилась выдать такой документ²².

Следующий этап предварительных русско-шведских переговоров начался в сентябре. Петр I поручил князю Б. И. Куракину начать тайные переговоры со шведскими представителями М. Веллингом и Й. Ф. Прейсом и добиться от них предварительные условия мира. Особо оговаривалось включение в проект соглашения территориальных претензий прусского и польского королей. Из вновь присоединенных территорий Петр I был готов вернуть Швеции только территорию Финляндии без Выборга²³. В сентябре к русско-шведским переговорам подключается и прусский двор, что окончательно исключает идею отдельных переговоров со стороны России. Однако подобные слухи усиленно циркулировали при европейских дворах²⁴.

На этом этапе переговоров шведы продемонстрировали довольно подозрительную несогласованность своих действий. Петр I в письме к Б. И. Куракину из Берлина явно высказывал подозрения даже насчет Г. Х. Герца²⁵. Шведскому министру хотелось бы вести переговоры с членами Северного союза по отдельности, внести в их ряды раздор, чтобы выторговать более выгодные условия для Швеции. Будучи уже на полпути к Швеции с русским паспортом, Г. Х. Герц неожиданно предлагает свой проект мира: русский царь должен возратить шведскому королю все отвоеванные у него земли, кроме Санкт-Петербурга, а также содействовать возвращению Стральзунда. Конечно же, русская сторона категорически ответила, что мир на подобных условиях не может быть заключен²⁶. Когда Г. Х. Герц был уже в Швеции, русской стороне становится известно, что он предлагал прусскому и польскому королям начать мирный конгресс в Данциге²⁷. Очевидно, что пока шведы были далеки от первоначальных планов Г. Х. Герца о мире.

В октябре Б. И. Куракин продолжал поддерживать контакты со шведскими представителями (М. Веллингом, К. Ранком и др.) в отсутствие Г. Х. Герца, но практических результатов они не принесли. Шведы постоянно затягивали переговорный процесс всяческими отговорками и ссылались на несуществующие инструкции. Эти переговоры нашли отражение в документах Б. И. Куракина²⁸. Нельзя не согласиться с мнением исследовательницы С. А. Фейгиной о том, что шведские представители оттягивали даже самую возможность приступить к переговорам с Россией, выжидая результатов переговоров с Лондоном²⁹. Возможно, действовала партия противников мирных планов Г. Х. Герца, во главе с Готторпским герцогом.

Учитывая все вышеуказанные обстоятельства: колеблющаяся позиция французского двора, двойственная политика шведов, неудивительно, что предварительные переговоры тянулись так долго. Лишь в конце ноября 1717 г. в Петербурге получили письмо от Г. Х. Герца, в котором сообщалось, что Карл XII согласен на мир с Россией и желает, чтобы полномочные министры с обеих сторон собрались на Аландских островах, или в другом месте (Данциг)³⁰.

Русско-шведские переговоры начались на Аландском конгрессе, который открылся 10 мая 1718 г. в городе Лёве. Переговоры со Швецией переходили в новую фазу: мирный, открытый конгресс вместо тайных переговоров. Несмотря на то, что конгресс не закончился подписанием мира в 1718 г. из-за гибели Карла XII, мирный договор со Швецией был подписан в Ништадте в 1721 г., а Россия окончательно превратилась в империю. Основы Ништадта были заложены русской дипломатией в 1716–1717 гг. Россия все глубже входила в европейскую систему международных отношений, а русская дипломатия вполне освоила дипломатические методы, включая использование тайных каналов для достижения своих целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 2. СПб., 1890. С. 110.

² Там же.

³ *Almquist H.* Holstein-Gottorp, Sverige och den Nordiska Ligan i den Politiska krisen 1713–1714. Uppsala, 1918. S. 318.

⁴ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6540. Л. 1 об., 4, 8.

⁵ *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 108–109.

⁶ *Anderson M. S.* Europe in the Eighteenth century 1713–1783. P. 176; *Murray J. J.* George I, the Baltic. London, 1969. P. 199.

⁷ Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 157.

⁸ Российский государственный архив древних актов (*Далее*: РГАДА). Ф. 96. Оп. 1, 1716 г. Д. 3. Л. 1–1 об.

⁹ Там же. Ф. 35. Оп. 1, 1717 г. Д. 445. Л. 266–267.

¹⁰ Сборник Русского Исторического Общества. Т. 34. СПб., 1881. С. 508.

¹¹ Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. С. 118.

¹² Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traites de Westphalie jusqu' à la revolution francaise. P., 1890. Vol.VIII: Russie. P. 138–147.

¹³ Сборник Русского Исторического Общества. С. 519

¹⁴ Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traites de Westphalie jusqu' à la revolution francaise. Vol.VIII: Russie. Paris, 1890. P. 177–180.

¹⁵ Сборник Русского Исторического Общества. С. 197–200.

¹⁶ Там же. С. 204.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. V. № 3098. С. 503–506.

¹⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1, 1717 г. Д. 11. Л. 142 об.

¹⁹ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 155–156.

²⁰ Кротов П. А. Международно-правовое оформление России как великой державы в первой трети XVIII в. (К постановке вопроса) // Российская монархия: вопросы истории и теории: Межвузовский сборник статей, посвященный 450-летию утверждения царства в России (1547–1997). Воронеж: Истоки, 1998. С. 117.

²¹ РГАДА. Ф. 50. Оп.1, 1717 г. Д. 10. Л. 33.

²² Там же. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 2–10.

²³ Там же. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 5. Л. 1–5.

²⁴ Донесения французского представителя при русском дворе А. Лави // Сборник Русского Исторического Общества. С. 261, 273.

²⁵ Архив кн. Ф. А. Куракина. С. 128.

²⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 30–31.

²⁷ Там же. Л. 68.

²⁸ Там же. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 47, 66, 77–79, 80, 87.

²⁹ Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. С. 194.

³⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 62–63.

ЛИТЕРАТУРА

Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб.: Тип. Балашева, 1890. Кн. 2. 362 с.

Кротов П. А. Международно-правовое оформление России как великой державы в первой трети XVIII в. (К постановке вопроса) // Российская монархия: вопросы истории и теории: Межвузовский сборник статей, посвященный

450-летию утверждения царства в России (1547–1997). Воронеж: Истоки, 1998. С. 114–118.

Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Госполитиздат, 1950. 279 с.

Павленко Н. И. Вокруг трона. М.: Мысль, 1998. 862 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 г. по 12 декабря 1825. СПб.: тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V: 1713–1719 гг. 781 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Голос. 1993. Кн. 9. 671 с.

Стерликова А. А. Переговоры о мире со Швецией в письмах русских дипломатов (1716–1717 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 21 (1). СПб.: Издательство РХГА, 2019. С. 230–239.

Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Изд. АН СССР, 1959. 546 с.

Almquist H. Holstein-Gottorp, Sverige och den Nordiska Ligan i den Politiska krisen 1713–1714. Uppsala: Humanistika vetenskapssamfundet, 1918. 398 s.

Anderson M. S. Europe in the Eighteenth century. 1713–1783. L., 1961. 364 p.

Murrey J. J. George I, the Baltic and the Whig Split of 1717. A study in diplomacy and propaganda. L.: Routledge and Paul, 1969. 366 p.